

Е. СТАРИКОВА

## Первые уроки жизни

**В** трудное и ответственное время отправляется в долгий жизненный путь Саша Комелев, герой новой повести В. Тендрякова.

Умер отец Саши, секретарь Коршуновского райкома партии Степан Комелев. Вместо института пришлось идти работать в колхоз. На юношеские плечи легла забота о семье. Но не это самый тяжелый и ответственный груз: каждому из нас рано или поздно приходится почувствовать, что ты стал старшим в семье. Таков естественный ход вещей. Но хорошо, когда без долгих раздумий ты просто подхватываешь эстафету и стараешься, не сбившись с шага, продолжить путь, начатый отцами. Иначе получилось у Саши. Не успела обсохнуть земля на свежей могиле отца, а сыну уже пришлось выслушать суровые слова правды о нем. И не от врагов, а от друзей. Мечтал Степан Комелев о «красивой жизни» для всех, не щадил сил на работе, а не было смелости ломать устаревшие порядки; любил, казалось, людей, а больше верил бумажке, пришедшей сверху, чем колхозникам, чем собственным глазам. Выходит, что жизнь была прожита чуть ли не даром. Выходит, что если ты хочешь быть честным и смелым, ты должен ломать порядки, заведенные отцом, должен бороться с тем, что от него осгалось. Нелегко это. Ведь ты не только любил его, ты верил ему безгранично. Хочется закрыть глаза, уйти куда глаза глядят. Куда? Ну, хотя бы от тех, чьи слова подслушал невзначай — от председателя колхоза Игната Гмызина, с которым собирался начать

новую, самостоятельную жизнь, которого считал другом отца. Но суровые слова Игната остановили этот первый порыв: «Уйдешь — силой не держу. Иди! Только запомни: первый шаг в жизни делаешь, самый первый — и уж от правды бегаешь. Поостерегись!» Некуда уйти от правды, нужно прямо взглянуть ей в лицо и упорно самому искать путей, чтобы сделать жизнь лучше. Ты не один, рядом с тобой твои друзья ищут эти пути.

Таков первый жизненный урок Саши Комелева. Нет надобности говорить, насколько он важен для нашего времени, для нашей молодежи.

И вот юноша начал самостоятельную жизнь в колхозе, где председателем спокойный, уверенный, хозяйственный Игнат Гмызин. Он и стал настоящим учителем Саши. Да и не только Саши. Игнат — эта та фигура в повести, на которую писатель учит равняться всех нас, учит, может быть, даже с излишним дидактическим нажимом.

Игнат Гмызин принадлежит к числу тех председателей колхоза, которые всего несколько лет тому назад появились в деревне, посланные туда партией. До этого времени Гмызин заведовал чуть ли не всеми районными учреждениями в Коршунове по очереди. Но то ли оттого, что городок этот мало чем отличался от села, то ли потому, что и отец, и дед, и прадед Игната были крестьянами, только, став председателем колхоза, он впервые почувствовал себя на своем месте, где есть к чему приложить и силы и способности. Честный человек, добросовестный работник, скромный, добродушный, но умеющий, когда надо, постоять за себя, — таким видим мы Игната Гмызина на протяжении пове-

---

В. Тендряков. Саша отправляется в путь. Журнал «Новый мир» №№ 2 и 3 за 1956 год. Главный редактор К. Симонов.

сти. Силой и спокойствием веет от всей его коренастой фигуры.

Следуя примеру Игната, Саша Комелев постепенно постигает трудную науку жизни. Юноше открывается поэзия простого и сложного крестьянского труда, радость завоевания будущего, счастье и горести первой любви. Обо всем этом рассказывает Тендряков с тем характерным для него точным знанием обстоятельств и условий деревенской и районной жизни, с такой любовью к этой жизни, которые являются первым залогом подлинной поэтичности и которые уже знакомы нам по прежним произведениям писателя.

Но не один Саша Комелев вступает в эту пору на новый путь. И взрослым, опытным людям приходится пересматривать свою жизнь. На наших глазах начинает свою блестящую карьеру другой житель Коршунова, Павел Мансуров. В прошлом офицер, прошедший с Советской Армией всю Европу, теперь заведующий отделом пропаганды и агитации райкома, он томится в «захолустье», рвется куда-то прочь, жадно ждет иной, бурной и интересной жизни. Случай помог ему найти применение своим силам здесь, в Коршунове. Разговоры Игната Гмызина о «комелевских» порядках в районе, слова старого агронома Чистотелова о бессмыслице планирования хозяйства без учета местных условий наталкивают Мансурова на мысль собрать все подобные факты и представить их на обсуждение райкому. Жизнь приобретает для Павла Мансурова смысл. Рьяно, горячо принимается он за дело, и вот уже заветная папка перед секретарем райкома. Но нелегко сломать рутину. Бюро райкома против предложений Мансурова. Папка отсылается в область. Проходят долгие месяцы томительного ожидания. Но, видно, не в одном Коршуновском районе зашевелились люди: папку потребовали в ЦК. Вскоре было принято постановление о новом порядке планирования в колхозах. Павел Мансуров подхвачен волной событий. И вот он уже первый секретарь Коршуновского райкома. Подтянутый, молодой, энергичный, полный жажды деятельности — таким видим мы его в преддверии тех драматических событий, в которых столкнутся герои повести.

Не могло не сказаться противоречие между, казалось бы, объективной полезностью действий Павла Мансурова и субъективными его побуждениями. Не боль за разоренное хозяйство деревни Кудрявино, не тревога за пропадающие зря усилия

Игната Гмызина, не забота о том, чтобы лучше жилось людям, двигали поступками Мансурова, когда он собирал «факты» в папку и когда смело отстаивал право на их обнародование, а желание выдвинуться, стать первым, вырваться из районной безвестности. Но, может, это и не важно, каковы были его побуждения? Нет, цель и средства всегда неразрывно связаны между собой. Что значит для народа, когда оголтелый карьерист, даже сделавший в свое время полезное дело, окажется у власти, покажет естественное течение дальнейших событий повести. То, что могло стать выходом из положения, оказалось тупиком, то, что могло быть благом, оборачивается несчастьем.

Чтобы поднять запущенное животноводство, в область прислали громадную партию породистого скота — целое богатство. Предложено было разорать скот по районам. Для решения этого вопроса собрано совещание. Каждый секретарь райкома должен назвать число коров, которое может принять район. Все, в том числе и Павел Мансуров, понимают сложность положения: весна, в редком колхозе найдешь клоч сена, нечем кормить и тех коровенок, которыми владеют местные колхозы. Но всякое благоразумие оставляет человека, подобного Мансурову, когда перед ним высокая трибуна, большое начальство, люди, которые, как кажется ему, только и ждут от него подвигов. И цифра названа — пятьсот голов, — колоссальная, несообразная с реальным положением вещей цифра.

Тип человека, подобного Павлу Мансурову, не впервые появляется в нашей литературе. В последние годы противопоставление карьериста и честного труженика стало довольно распространенным и типичным конфликтом в искусстве. Один из памятных всем примеров — это Виктор Потапенко в «Искателях» Гранина, живой человеческий характер, разоблачающийся перед нами в типичных поступках и действиях. Но, пожалуй, впервые мы встречаемся с таким глубоким обнажением этого конфликта в повести Тендрякова, когда обнаруживается не просто бесполезность или вредность подобного типа, но и его поистине роковая роль в человеческих судьбах.

Не яркостью портретных характеристик, не патетической приподнятостью авторских обличений достигает этого писатель. Скупой рассказ о том, как околели в одном из

колхозов две коровы и что из этого вышло, подводит нас к этой мысли.

Один только Игнат Гмызин был готов в районе встретить нежданный подарок — породистый скот. В остальных колхозах очень скоро началась беда: кечем кормить. И вот пала корова в колхозе Федосия Мургина.

Федосий Мургин в прошлом — крепкий середняк. Он когда-то с трудом воспринял коллективизацию, но, уже став колхозником, честно, не покладая рук трудился. А в течение двадцати последних лет был бесшумным и рачительным председателем колхоза. Может быть, он уже несколько устарел для этого поста, может быть, не хватало ему ума, энергии и хватки Гмызина, но уж, во всяком случае, не он один был виноват в том, что в его колхозе случилось несчастье. Однако Федосий Мургин и не собирается снимать с себя ответственность. «Не только своим умом жить, людей заставлять надо думать. Есть один агроном Алешин — золото парень, остальные ждут, что скажет председатель. Оттого и кормов нехватка, оттого и несчастья.. Дай бог эту беду миновать — животноводов на курсы пошлет, трактористов толковых из своих ребят подберет, заставлять будет: думайте своей головой, не ждите указки» — к таким размышлениям привела жизнь старого председателя, но не пришлось ему использовать этот урок на пользу своему колхозу. Бюро райкома «простило» Федосия: «Возраст тебя спас. Твои седины жалеем... Но гляди — случись еще раз такое, не мы с тобой будем разговаривать, а прокурор!» А когда вернулся Мургин домой, на скотном дворе околевала еще одна корова. Постаревший, худой, явился Мургин к Мансурову: «Суди, Павел Сергеевич. Прямо сказал ему, что больше всего на свете боится быть снятым с поста председателя: «врос» в колхоз, стар начинать новую жизнь. «Две коровы, пусть самых породистых, ведь не дороже они человека». Но что Павлу Мансурову жизнь человека? Больше всего на свете он боится, что «подымется страшный шум в области». Нужно наказать Федосия не потому, что он виноват, а для примера, ведь всех не накажешь. «Буду настаивать, чтоб сняли с председателей немедленно!.. И это не все. Мы партбилет попросим показать!» А на другой день «Федосия Мургина нашли лежащим под березой, уткнувшимся лицом в прелюю прошлогоднюю листву. Сук березы сломался под грузным телом,

но длинная сыромятная супонь... крепко врезалась в толстую шею».

Можно, конечно, порассуждать о том, что переделывать жизнь труднее, чем умирать. Но так умирать трудно, страшно, нелепо.

Мне пришлось дочитывать повесть Тендрякова вскоре после того, как закончился XX съезд партии, в дни, когда были изданы постановления ЦК КПСС и Совета Министров «Об Уставе сельскохозяйственной артели» и «О ежемесячном аваксировании колхозников». И верилось: то, что случилось с Федосием Мургиным, больше не случится! Тем юношам, которые выйдут в путь вслед за Сашей Комелевым, может быть, тоже будет трудно, но они не встретят уже подобной трагедии.

В повести Тендрякова есть сцена, в которой писатель достигает подлинно художественной глубины. Уйдя из кабинета Мансурова, Федосий Мургин забыл там свой старый картуз. Так и остался лежать он на райкомовском сейфе, пока не заметил его случайно Игнат Гмызин. И вот лежит он между ним и Мансуровым — вещь, хозяйина которой уже нет. Взглянул Игнат на картуз и только одну фразу проронил: «Без картуза выскочил». И ему и читателю яснее, чем от самых ясных слов, стала видна вся тяжесть вины Мансурова. И хотя предметом дальнейших разногласий между Павлом и Игнатом послужило поступившее из обкома предложение строить в колхозах кормоцеха, которое Игнат, глядя на худые хлева, справедливо считал несвоевременным, а Мансуров хотел сделать ковой ступенькой для своей, чуть было не пошатнувшейся карьеры, но подлинным поворотом и идейным, и психологическим, и художественным в повести служит эта почти немая сцена с картузом. После ухода Игната Мансуров воровато прячет картуз, но он уже остался в нашем сознании и в сознании героев неким символом. Никому не придет в голову, что борьба Гмызина и Мансурова — «производственный» конфликт, который нередко оказывался в центре иных произведений, никого не волнует. Картуз Федосия не даст нам забыть, что дело не только в коровах и кормоцехах, а в тех человеческих судьбах, которые стоят за ними.

Смерть Мургина ничему не научила Мансурова. Во время атаки не останавливаются. Сейчас на дороге стоит упрямый Игнат Гмызин: не хочет строить кормоцеха, знает, кто виновен в смерти Мургина.

И вот атака возобновляется, появляется клеветническая статья в газете против Игната. А в статье в искаженном виде приводятся некоторые факты, рассказанные Сашей Комелевым в райкоме при получении им партийного билета. Не впервые используется в низких целях открытая доверчивость юности. Но для Саши-то впервые. По-зор подозрения в предательстве, беспомощность перед силой печатного слова, обманутая вера — все эти чувства обуревают юношу. Хорошо, что Игнат умен и все понял, хорошо, что он не Федосий Мургин, не испугался, не согнулся. И Саша извлек еще один урок, он сам вступил в открытую борьбу за правду, за честных людей. На партийном собрании колхоза, проведенном по предложению Саши, колхозники поддерживают Игната Гмызина. Читатель спокоен! Саша на верном пути.

Здесь, собственно говоря, могла бы и кончиться повесть о Саше Комелеве, но писатель идет дальше, стремясь вывести конфликт из рамок районного масштаба. В конце произведения в центре нашего внимания оказывается секретарь обкома партии Курганов. Он приезжает в Коршуновский район, лично обследует его, чтобы затем собрать совещание партийного актива области по поводу деятельности Павла Мансурова. Этот выход за пределы жизни района был бы интересен, если бы он что-нибудь добавил к тому, что мы уже знаем, что-то разъяснил нам. Но фигура Курганова — самая неудачная в повести. Художественная неубедительность образа оборачивается идейной неяскостью. Нет характера, не видно и отношения писателя к тем явлениям, которые стоят за этим героем.

И невольно вспоминается, что ведь это Курганов вручил секретарю райкома красивую игрушку — макет кормоцехов. И когда? Только что по-отечески отчитав Мансурова за гибель Мургина. Так кто же он такой, Курганов? Не помогают понять это те беглые «объяснения», к которым прибегает писатель: «Курганова в эти дни ни на минуту не оставляла тревога. Сейчас — то ли от застойной неподвижности в природе, подчеркнутой сияющими дождевыми каплями на головках льна, то ли от того, что спутник подвернулся не из болтливых, не мешал думать, — тревога выросла, сжала сердце Курганову.

Он считал себя принципиальным руководителем — не жаловал лстыцев, не бил с высоты своего положения тех, кто осмели-

вался возражать. Работал и был покоен: он понимает людей, люди — его.

Но теперь в Коршуновском районе этот покой мало-помалу исчез. Он вдруг почувствовал, что ошибался, не всегда-то хорошо понимал людей...» Это все очень общо и приблизительно. Душа Курганова, его чувства и мысли попрежнему спрятаны от нас за семью замками. Поэтому весь конец повести, начиная с приезда секретаря обкома в район, слаб. В повести, где так заметно отталкивание от литературных шаблонов, приезд Курганова в район выглядит именно таким шаблоном: сколько раз писатели уже прибежали к спасительному приезду «начальства из центра», которое как *deus ex machina* в античном театре призвано разрешить все конфликты. Но это — всегда мнимое разрешение конфликтов. Можно было бы даже утверждать, что конец повести просто лишний в ней, если бы не было на этих последних страницах одной очень интересной и значительной подробности.

В то время, как во Дворце культуры начинается собрание, где будет окончательно разоблачен Мансуров, в темном углу сцены плачет Катя Зеленцова — девушка, которую полюбил Саша и которая увлеклась Павлом Мансуровым, приняв его за героя, замахнувшегося на великие дела. Плачет среди пыльной бутафории и поломанных декораций, так напоминающих ее утраченные иллюзии. Эти слезы — надежда на то, что, может быть, и этот молодой человек научится смотреть на жизнь без плоской прямолинейности. В это хочется верить читателю.

Всего несколько лет назад вошел в литературу В. Тендряков, но можно уже уверенно сказать, что читатель любит его талант. У Тендрякова сильное художественное дарование сочетается с пытливым и пристальным исследованием жизни современной деревни. Особенную известность принесла молодому писателю повесть «Не ко двору». Благодаря объемности и законченности главных образов писатель смог, не выходя из сферы отношений внутри одной крестьянской семьи, проникнуть в глубину сложных процессов, происходящих в современной деревне. Заслуженный успех повести был обусловлен гармоническим слиянием характеров, сюжета и идеи произведения в единое, неразрывное целое.

Если сравнить новую повесть Тендряко-

ва с предыдущей (а такое сравнение неизбежно приходит читателю, с интересом следящему за развитием молодого писателя), то нельзя не увидеть смелого расширения границ его творчества и в смысле тематическом и в смысле глубины общественных проблем.

Но этот рост происходит не без внутренних противоречий и трудностей. В новой повести Тендрякова нет той гармонической цельности, которая оставляла впечатлительное художественной зрелости от повести «Не ко двору». Повесть написана неровно. Иногда публицист опережает здесь художника.

Обращаясь к одному и тому же материалу, к одним и тем же вопросам, художник и публицист действуют различно. Публициста интересует прежде всего общественное явление как таковое, для художника важно в первую очередь преломление этого явления в мировоззрении, психологии и поступках человека. Публицист исследует общественное явление и иллюстрирует его человеческими поступками, мыслями, эмоциями. Художник исследует и воспроизводит чувства, мысли, действия человека, и за ними читатель видит общественное явление. Между художником и публицистом нет непреходимой границы, но все-таки это разные способы мышления, разные способы познания жизни, разные литературные стили. Не может быть вопроса о том, какой из двух видов литературы выше. В иных обстоятельствах прямой и ясный публицистический разговор дорже многозначного художественного образа. И все-таки это различные виды литературы, и воздействие их на читателя различно.

Когда мы знакомимся с героями повести «Саша отправляется в путь» у могилы Степана Комелева, когда присутствуем на собрании партактива в области, когда слышим, как горько рыдает Катя Зеленцова за пыльными кулисами, — перед нами общественные проблемы, увиденные глазами художника. Вот Павел Мансуров появляется на трибуне. Это поворот в развитии острого общественного вопроса. Но в его разрешении участвует все: и любовь Павла покрасоваться, и накаленная атмосфера ожидания в зале, и подбадривающая его улыбка Курганова. А вот целый кусок повести, когда после похорон Комелева Мансуров собирает факты о неблагополучии хозяйства района, когда папка отвозится в область, а затем в ЦК, когда становится

известным постановление ЦК и Мансуров делается первым секретарем райкома — это очень важный для героев отрезок времени, но здесь интерес сосредоточен прежде всего на самом факте кевверного планирования хозяйства. По сути дела неважно, горячий ли Мансуров или спокойный Гмызин собрал документы о неполадках, безразлично, кто рассказал о печальной судьбе драгоценного льна, — старый агроном Чистотелов или хотя бы тот же Федосий Мургин. То же можно сказать о последних страницах повести, начиная с приезда Курганова в район. С точки зрения художника, именно здесь особый интерес могло приобрести раскрытие душевной борьбы у Игната Гмызина. Столкнувшись в открытую с Мансуровым, яростно выступив против новой его аферы, он, как оказывается, принужден все-таки у себя в колхозе строить бесполезные в данной обстановке кормоцеха, как перед этим должен был скрепя сердце подавать в район неверные сведения о размерах колхозных покосов. Как чувствовал себя честный, преданный колхозу человек, к тому же человек сильный, мужественный, будучи вынужденным сдать и заниматься бессмысленным делом? Да к тому же еще подвергнувшись клеветническим нападкам? Та однообразная позиция ничем не смущаемого спокойствия и даже добродушия, которую, по уверениям автора, продолжает занимать Гмызин, здесь начинает уже мешать воссозданию живого характера.

Требование единства стиля не является чем-то отвлеченно-литературным. Дело обстоит просто: читатель повести будет до конца ждать от писателя, чтобы он показал ему душевную жизнь героев; читатель очерка, вероятно, вправе был бы потребовать большей обстоятельности в вопросе о характере экономики Коршуновского района.

История отношений Саши и Кати Зеленцовой является неотделимой частью основной общественной проблемы повести и целиком исчерпывается в ее пределах.

Катя и Саша — это два пути молодежи, из которых один, катин, осуждается писателем.

Саша Комелев — вовсе не герой в жизненном понимании этого слова, как не был героем Федор в повести «Не ко двору». Саша — обыкновенный, хороший мальчик, и обаяние его прежде всего в той чистоте и принципиальности, которые характерны для нормальной, здоровой юности. Но еще

не известно, что за человек получился бы из него, если бы в самом начале его жизненного пути не встала перед ним с такой остротой проблема выбора правильного направления, если не оказалось бы рядом Гмызина. И дальше, когда он обнаруживает сначала симпатичные, а потом и просто хорошие свойства, Саша остается обыкновенным советским юношей. Он не станет искать легких путей в жизни, потому что с детства привык считать труд самой почетной обязанностью человека. Он может порой и оступиться, но, поняв, что сделал ложный шаг, найдет в себе мужество исправить его.

Катя Зеленцова, напротив, задумана Тендряковым как человек с более богатыми природными задатками. Об этом говорит и ее необычайная, яркая красота («эллинка среди коршуновцев!»), и свойство с детских лет внушать уважение людям, и жажда необычайных подвигов. «В школе — бессменный секретарь комсомольской организации. Если нужно было от молодежи выступить на торжественном заседании, назначали всегда ее. Сразу же после школы пригласили работать в райком комсомола, и не каким-нибудь заведующим учета, а инструктором. Наверняка ей быть одним из комсомольских секретарей». Но она жестоко запуталась, и оказалось, что за ее внешностью сказочной восточной царевны — детски примитивные представления о жизни, за жаждой необыкновенных подвигов — легкое презрение к обыкновенной работе и потому очень, по сути дела, бедные идеалы.

В повести «Не ко двору» Тендряков сатирически изобразил молодого бюрократа из комсомольских работников. Там это почти карикатура. Катя Зеленцова — явление куда более сложное. И позиция писателя по отношению к ней иная — это не разоблачение, а объяснение, опасение, сожаление. Задумано интересно и глубоко. Но в самом образе нет реалистической

полноты, этому мешает излишняя прямолинейность: слишком ошутим за человеком определенный авторский тезис. Вероятно, это получилось потому, что в Кате нет того обаяния, которое в ней должно быть. Мы ведь тоже должны и сочувствовать, и сожалеть, и опасаться за героиню. Но ни ее неоднократно подчеркнутая красота, ни ее мечты, переданные в какой-то уж очень общей, стандартной форме, не рожают непосредственной симпатии читателя.

Иное дело Настя, которая, непрошенная, так решительно и бесшабашно вмешивается в сашину судьбу.

Однако если говорить о месте ее в повести, то совершенно очевидно, что ее отношения с Сашей стоят особняком, изолированно, составляя отдельную, сюжетно незавершенную линию, ничего не внося в основную проблематику произведения. Здесь то, в этом необязательном, даже лишнем, хотя хорошо написанном эпизоде, и чувствуются те «кончики» еще не состоявшегося романа, где герой мог быть показан в более широких связях, на более долгом отрезке жизненного пути. Подобные выходы за границы повести говорят о больших возможностях Тендрякова, хотя и мешают цельности и стройности данного произведения, в котором так ощутимо и движение писателя вперед, и идейные, художественные, и чисто технологические трудности, стоящие на пути к большому эпическому жанру.

Ясно ощущая отдельные пробелы — и нарушение художественной цельности, и лишние эпизоды, и излишний дидактизм в одних образах, и неудачу других, — читатель прощает их, потому что ценней всего в даровании Тендрякова его прямой, честный и пристальный взгляд на жизнь, который определяет и реалистическую силу и своеобразие повести «Саша отправляется в путь». Это то, что больше всего нужно литературе.

---